

Естественно, второй уровень свободы может быть реализован только при условии реализации первого уровня свободы, а не в обход ему.

Таким образом, в качестве еще одного критерия разумности необходимого при моделировании искусственного интеллекта нужно указать наличие свободы воли. Без свободы воли разум не может самостоятельно существовать, поэтому проблема искусственного разума так и не будет решена: «обладают ли компьютеры способностью к творчеству, спонтанной ни чем не детерминированной деятельностью, независимой от того программного обеспечения, которое в него встроили. От ответа на этот вопрос зависит решение, признаем ли мы за компьютером возможность сознательной деятельности (и этим сохраним аналогию, проведенную между человеком и компьютером) или лишь хорошую имитацию этой сознательной деятельности» [4. С. 224].

Примечания

1. *Аристотель*. Никомахова этика // Собрание сочинение в 4-х т. М.: Мысль, 1978. Т.4.
2. *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения в 6-ти томах. Т.4. Ч.1. М.: Мысль, 1965.
3. *Тарасов И. П.* Эпистемологические и социокультурные источники представления об интеллекте // Искусственный интеллект: философия, методология, инновации. Москва: Связь-Принт, 2009. С.40-43.
4. *Тарасов И. П., Окуловский Ю. С.* Функционализм: является ли человек машиной Тьюринга? // Философия сознания: Аналитическая традиция. Третьи Грязновские чтения. Материалы Международной научной конференции (6-7 ноября 2009 г.) М.: Современные тетради, 2009. С. 222-227.

Е. Д. Тарасова
УрГУ им. А. М. Горького

ПРОБЛЕМА ЗНАКА В ФИЛОСОФИИ Ж. БОДРИЙЯРА

Одной из центральных тем философии современного французского философа Ж. Бодрийяра является проблема знака. Цель доклада заключается в том, чтобы рассмотреть, каким образом Бодрийяр развивает теорию знака, опираясь на предыдущую

традицию, в частности на концепции Ф. де Соссюра и Э. Бенвениста, и очертить круг проблем, который возникает в связи со структурой знака, которая описывается в философии Бодрийера.

Начнем с концепции знака, описанной в философии Ф. де Соссюра. Одним из главных его достижений в области лингвистики можно считать открытие произвольности знака. Эта произвольность заключается в том, что связь означающего и означаемого ничем не мотивирована. Например, мы не можем объяснить, почему последовательность звуков *sōg* служит для обозначения понятия сестры во французском языке. Каждый знак обладает ценностью только в противопоставлении с другими знаками, а не в силу того, что имеет какое-либо значение: «Понятие символизирует значение, но само собой разумеется, что в этом понятии нет ничего первоначального, что оно является лишь ценностью, определяемой своими взаимоотношениями с другими ценностями того же порядка» [3. С. 114]. Важно также отметить, что знак в теории Соссюра соединяет не предмет с именем, а понятие с акустическим образом.

Э. Бенвенист в свою очередь выстраивает концепцию знака, во многом опираясь на теорию Соссюра и критикуя ее. Он замечает непоследовательность Соссюра в определении означаемого: с одной стороны, им является понятие, с другой – предмет реального мира. Бенвенист считает, что необходимо исключить предметность из знака: «Ибо если принципиально – и справедливо – утверждается, что язык есть форма, а не субстанция, то следует признать, что лингвистика – это исключительно наука о формах» [1. С. 91]. Он определяет две стороны знака следующим образом: означающее – это акустический образ, означаемое – это представление. Далее он рассуждает о том, что без помощи знаков мы были бы неспособны отличить одно понятие от другого, и с другой стороны мы приемлем только такую звуковую форму, которая служит опорой некоторому представлению. Это позволяет Бенвенисту утверждать, что внутри знака нет никакой произвольности, что между означающим и означаемым существует необходимая связь, а идея Соссюра о произвольности внутри знака базируется на ошибке в толковании означаемого. «Произвольность заключается в том, что какой-то один знак прилагается к данному элементу реального мира. Сфера произвольного, таким образом, выносится за пределы языкового знака» [1. С. 93].

Ж. Бодрийяр в своих работах опирается на идеи двух предшествующих авторов. Он принимает идею произвольности знака в том смысле, что знак не зависит от реальности, а, напротив, с появлением знака только и возможно появление реальности. Но Бодрийяр критикует сам принцип разделения на означаемое и означающее, он заявляет, что говорящий никогда не разделяет знак и мир, означаемое и означающее. Эта идея возникает и в работах Бенвениста, но он не уделяет внимания этому факту, потому что, по его мнению, речевая деятельность и восприятие мира говорящими не являются предметом лингвистики: «В самом деле, эта проблема не что иное, как переведенная на язык лингвистики философская проблема соответствия разума действительности. Лингвист, возможно, в один прекрасный день сможет с пользой ею заняться, но пока ее лучше оставить. Полагать отношение произвольным – это для лингвиста способ уйти от данного вопроса, а также и от того решения, к которому инстинктивно приходит сам говорящий. Для говорящего язык и реальный мир полностью адекватны: знак целиком покрывает реальность и господствует над нею; более того, он и есть эта реальность. По правде говоря, точка зрения говорящего столь отличается от точки зрения лингвиста, что утверждение последнего относительно произвольности обозначений ничуть не колеблет уверенности говорящего в противном. Но как бы то ни было, природа языкового знака, если ее определять по Соссюру, этим никак не затрагивается, поскольку особенность этого определения именно в том и состоит, чтобы рассматривать только отношение означающего к означаемому» [1. С. 93]. Бодрийяр считает, что лингвистика искусственно разделяет язык и речевой акт, что в действительности никакого разделения не происходит и именно на таком разделении держится эта наука: «В основе науки – раздел. Точно так же и из различия теории и практики родилась «наука» и рационализация практики – организация. Каждая наука, каждая рациональность живет столько, сколько длится этот раздел» [2. С. 362]. Подобным образом он критикует и психоанализ, который возникает из разделения на сознательное и бессознательное, и марксизм: «Теория, «верная» марксистская теория, никогда не анализирует эту реальную социальную практику, она занята анализом объекта, который сама же себе и создала путем разъединения этой практики на инфра- и суперструктуру, или анализом социального пространства, которое сама же себе создала путем разъединения

теории и практики. Ей никогда не вернуться к этой практике, потому что она только и живет благодаря ее вивисекции; к счастью, сама эта практика начинает ее нагонять и обгонять» [2. С. 363]. Итак, проблема, исследованная Бодрийяром, заключается в том, что теории Соссюра и Бодрийяра разделяют знак и реальность, чего не происходит в действительной языковой практике.

Примечания

1. *Бенвенист, Эмиль*. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — М. : Прогресс, 1974. — 448 с.
2. *Бодрийяр, Жан*. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр ; пер., вступ. ст. С. Н. Зенкина. — М. : Добросвет, 2000. — 387 с.
3. *Соссюр, Фердинанд де*. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. — М. : Логос, 1999. — 236 с.

Л. В. Тиганова
УрГУ им. А. М. Горького

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

К настоящему времени сложилось огромное количество подходов к изучению общественного сознания. В то время как еще совсем недавно в отечественной историографии нередко были жалобы на плохую разработанность связанной с ним проблематики и отсутствие обобщающих трудов. Причиной этих жалоб во многом было недоразумение: работы существовали, но в силу тех или иных обстоятельств они оставались неизвестны широкой научной общественности. В настоящее время ситуация несколько изменилась. Стараниями представителей гуманитарных и общественных наук недостаток работ, столь остро ощущавшийся еще десять лет назад, восполнен: получили известность старые, написаны новые. В то же время, к кардинальному изменению отношения к вопросам общественной психологии это не привело. Существующая в науке разногласия мнений не рассеяла туман, а пока лишь сгустила его. Ни общепринятые теории, ни бесспорные формулировки еще не выкристаллизовались. Это обстоятельство не позволяет опустить вопрос о теоретических основах работы в области изучения истории